

Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1: А–К. Томск: Изд-во гос. пед. ун-та, 2006. 144 с

«Словарь фитонимов Среднего Приобья» является полным диалектным словарем, включающим все зафиксированные в 50–90-е гг. XX – начале XXI в. названия растений в Среднем Приобье. Первый том словаря содержит 345 словарных статей, в которых описано 1730 номинативных единиц – однословных и составных наименований растений.

Словарь предназначен для широкого круга читателей: для языковедов, учителей-словесников, этнографов, краеведов, а также всех интересующихся духовной культурой сельских жителей Среднего Приобья и любителей русского народного слова.

«Здесь простые подорожники с детства самые родные...»

Среднее Приобье охватывает Томскую и частично Кемеровскую области. Здесь в XVII в. вокруг Томского, Нарымского, Кетского и Мунгатского острогов по берегам Оби и Томи с их многочисленными притоками стали возникать русские селения. К концу XIX в. их жители, являющиеся потомками первопроходцев, назывались старожилами и противопоставляли себя новоселам, которые не прожили в Сибири 25–50 лет. В старожильческих селах и деревнях сложились русские говоры вторичного образования. Их системное изучение началось сравнительно поздно – только после Великой Отечественной войны. К этому времени описание диалектного членения и диалектных различий европейской территории России продвинулось уже далеко. В 1953 г. А.А. Скворцова поставила задачу создать словарь русских говоров Сибири и началась работа по его подготовке. Сегодня, спустя полвека, среднеобские говоры описаны в тринадцати многотомных словарях, и некоторые из них не имеют ни отечественных, ни зарубежных аналогов. Не случайно еще десять лет назад журнал «Вопросы языкознания» констатировал, что «ни один диалектологический регион не изучен в лексикографическом отношении столь разносторонне» [1. С. 170].

Томские диалектологи постоянно ставят перед собой новые задачи. Подтверждением этому стал 14-й лексикон, вышедший в свет в 2006 г. Он посвящен фитонимам. Целенаправленная работа по изучению среднеобской фитонимики началась уже в 1950-е гг., и значительная часть собранного материала вошла в ранее опубликованные словари¹. Однако первым аспектным словарем, репрезентирующим часть диалектной картины мира, связанную с растительностью, стал трехтомный «Словарь фитонимов Среднего Приобья» В.Г. Арьяновой – плод многолетней работы автора, включавшей и полевой сбор материала, и расшифровку магнитофонных записей, и научную

¹ В «Словарь фитонимов Среднего Приобья» не включены уже опубликованные иллюстративные материалы.

систематизацию фитонимической лексики. Это полный синхронный словарь, включающий материалы второй половины XX – начала XXI в. В него вошла как собственно среднеобская диалектная лексика, так и диалектные варианты общерусских фитонимов и общерусские названия (в том числе единицы ботанической номенклатуры). Картотека словаря насчитывает более 40 000 карточек. Первый том содержит 345 словарных статей.

Вопросы, которые требовали своего решения при создании подобного лексикона, касаются не только языкознания, но и совершенно иной научной области – ботанической систематики. В качестве заглавной единицы В.Г. Арьянова одновременно подает русское научное наименование и латинское наименование с указанием автора, впервые включившего его в научный оборот, как это принято в ботанической литературе. Несомненно, такой подход снимает многие неясности и устраняет путаницу, столь характерную для большей части научно-популярных публикаций о растительном мире. Любая местная традиция именования растительных объектов бесконечно вариативна, и в структуре словарной статьи предусмотрена зона дублетных номинаций: АЛИССУМ² (*медунки*) (*Alyssum* L.), ВОДЯНОЙ ОРЕХ (*чили́м*) (*Trapa natans* L.), КИЗИЛЬНИК ОБЫКНОВЕННЫЙ (*цѣвочник*) (*Cotoneaster integerrima* (Lindl.) Med.), КРУПКА СИБИРСКАЯ (*горлянка*) (*Draba sibirica* (Pall.) Thell.). Однако приведенные примеры, пожалуй, исчерпывают ситуации, когда в описываемом ареале используются только два дублета. Более распространено синхронное функционирование множества дублетных единиц, и словарь предоставляет красноречивые свидетельства: 34 дублета приведено в статье о БАЛЬЗАМИНЕ СУЛТАНСКОМ (*Impatiens sultanii* Hook.) и 57 (!) в статье о ГОРЦЕ ПТИЧЬЕМ (*Polygonum aviculare* L.). Дублетные номинации растений представляют собой не только формальные варианты, как, например, два самостоятельных ряда вариантов для заглавной единицы ГОЛУБИКА – *глубе́ница, голубе́ника, голуби́га, голубика, голуби́ха, голуби́ца, голубни́ка, голубни́ца, голубя́ника, гулуби́ца, пьяная ягода, пья́ника, пья́ница*. (*Vaccinium uliginosum* L.). Иногда дублеты являются разными словами: ЗИГОКАКТУС – *декабрист, караста́н, пальчики, рекоста́в, язы́к* (*Zygocactus* K. Sch.); ЗИМОЛЮБКА ЗОНТИЧНАЯ – *восковни́ца, груша́нка, медве́жьи ушки, на́дса́дник* (*Chimaphila umbellata* (L.) Nutt.). А чаще всего в говорах функционируют и вариантные, и невариантные дублеты.

Еще одной трудностью, подстерегающей диалектную лексикографию, являются локально функционирующие лексико-семантические варианты общерусских номинаций растительности. Так, общеизвестный фитоним *анютины глазки*, обозначающий фиалку Виттрока (*Viola wittrockiana*), в среднеобских говорах имеет значение ‘гвоздика-травянка’ (*Dianthus deltoides* L.); у фитонима *куриная слепота* фиксируется общерусское значение ‘лютик едкий’ (*Ranunculus acer* L.), но диалектный ЛСВ обозначает белену черную (*Hyoscyamus niger* L.); фитоним *аленький цветочек* относится в среднеобских говорах и к адонису весеннему (*Adonis vernalis* L.), и к купальнице азиатской (*Trollius asiaticus* L.); диалектный фитоним *алёнка* являет-

² Прописными буквами указано заглавное слово словарной статьи.

ся наименованием бальзамина султанского (*Impatiens sultanii* Hook.) и барвинка малого (*Vinca minor* L.).

Лексикону предпослано разъяснение некоторых ботанических терминов, использованных в дефинициях (С. 15–16). Рисунки и схемы строения цветковых растений, типов подземных органов, листорасположения, простых и сложных соцветий (вкладка между С. 72–73) представляются не только уместными, но, пожалуй, необходимыми. На этом фоне досадными выглядят немногочисленные ошибки и недочеты. Так, в статье АСТРА АЛЬПИЙСКАЯ (*Aster alpinus* L.) помещен контекст, описывающий одну из осеннецветущих астр (*Aster dumosus* L., *A. novi-angliae* L., *A. novi-belgii* L.); фитоним *дицентра* помещен без синонима *диклитра* и без латинского наименования (вероятно, *Dicentra spectabilis* (L.) Lem., хотя есть еще *D. formosa* (Andr.) Walp. и *D. eximia* (Ker-Gawl.) Torr.), *иприс гибридный* и *кузука* также остались без латинских наименований.

Материалы фитонимического словаря, несомненно, помогут решать задачи диалектной вариантологии, лингвогеографии, синхронного представления диалектных микросистем, выявления мотивировочных признаков, легших в основу наименований, и т.д. Однако любое исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира народа. Сейчас, когда на подъеме находятся исследования диалектной языковой картины мира, ясно, что словарь В.Г. Арьяновой может и должен быть интерпретирован с позиций этнолингвистики и лингвокультурологии. В его иллюстративных материалах открывается богатейший слой традиционной культуры русских старожилов Сибири, увиденный сквозь призму флоры. Образ мира у человека во многом формируется его профессиональными занятиями. Крестьяне веками имеют дело прежде всего с биотическими системами, и удивительно разнообразный мир растений – от гигантских вековых деревьев (КЕДР СИБИРСКИЙ – *кедер*, *кедёрка*, *кедра*, *кедра*, *кедрач*, *кедрик*, *кедро*, *кедрушка* (*Pinus sibirica* (Rupr.) Mayr) до едва заметных трав (КЛЕВЕР БЕЛЫЙ – *белая кашка*, *белая репка*, *белоголовка*, *белоголовый клевер*, *клевер мышиный*, *мышерепка*, *мышья репка*, *порезник* (*Trifolium repens* L.)), от хозяйственно значимых растений (КОНОПЛЯ ПОСЕВНАЯ – *коноплё*, *конопля*, *конопь*, *конопь*, *матёрка*, *плосконь*, *плоскунь*, *посконь*, *посконь* (*Cannabis sativa* L.)) до совершенно бесполезных в хозяйстве и в медицине, но удивительно красивых (КУПАЛЬНИЦА АЗИАТСКАЯ – *авдотки*, *аленький цветочек*, *гонёк*, *жарки*, *купавница*, *купалица*, *купальница*, *огнёв цвет*, *огонёк*, *огонёчек* (*Trollius asiaticus* L.)) – был для них знаком до мелочей. Крестьянские глаза различали гораздо больше деталей в строении стебля и форме листьев, они столько раз видели, как тускнеет или темнеет увядающий цветок, пальцы узнавали бархатистые или кожистые листья, помнили колючки и жала, и запах часто выдавал деревенским жителям даже незаметные на полях или среди тайги травы. Многие из тех, кто откроет этот словарь, наверное, никогда не слышали и половины названий, собранных в нем, и не обращали внимания на те растения, которые являются неказистыми повсеместными обитателями закоулков дворов, обочин дорог, лесных опушек и лугов и создают для всех нас не просто среду обитания, а неповторимую малую родину.

Мир флоры в традиционной культуре связан со всеми сторонами действительности. Он вплетен в хозяйственную и трудовую деятельность – земледелие и скотоводство (злаки, огородные и полевые культуры, сенокосы), лесные и речные, озёрные промыслы (древесина, орехи и ягоды, водные растения). Однако хозяйственное использование растительного мира не исключает его эстетического переживания. Откроем словарную статью, описывающую один из центральных символов русской культуры – берёзу: *Для крестьянина ценной была берёза. Для крестьянина. А почему? Лошадей держали, телеги делали, колёса надо было, ося мазать. А где столько возьмёшь смазочного материала? И вот крестьяне драли бересту, гнали смолу и дёготь. Сапоги мазали дёгтем. Берёза, она во всех случаях очаровательна. Колёса делали из берёзы. Сделают из берёзы, смолой просмолят, и они будут ходить сто лет. Их не ведёт, не коробит, как другие. Сани делали. Берёза слабее конечно, не сравнить с хвойным лесом. Рассказы информантов полны безыскусного восхищения: Возьмём вот нашу русскую берёзу. Сколько песен про неё спето! Это же красавица! Жарко – под берёзу лёг, свежий ветерок, листья шелестят, вроде как музыка, хочешь не хочешь, а уснёшь, задремлешь. Или от дождя спрячешься под большую берёзу тоже. И причём эта берёза, что характерно, она ведь лечит людей (БЕРЁЗА (Betula L.).*

В народной медицине почти каждое растение применялось для лечения того или другого недуга (*Под лавкой? Это муравка, а по-умному, так спорыш, от многих болячек он* (ГОРЕЦ ПТИЧИЙ (Polygonum aviculare L.); *Боярышник лечебный, его надо собирать и заваривать. Ото всего хорошо, для всей организмы* (БОЯРЫШНИК КРОВАВО-КРАСНЫЙ (Crataegus sanguinea (DC) Pall.); *Собачья мята от ног помогает, настойку делают и трут. Она вонюча, у заборов растёт маленька така, цветочки синенькие* (БУДРА СТЕЛЮЩАЯСЯ (Glechoma hederacea L.), и трудно найти словарную статью, где бы в иллюстративном материале не сообщалось о лечебных свойствах растения. Порой эти сообщения ограничиваются небрежными упоминаниями: *Горицвет весенний и сибирский ещё называется. А у нас просто незапальна трава. Лошадей им поют* (АДОНИС ВЕСЕННИЙ (Adonis vernalis L.), но могут доходить и до классического воспроизведения фольклорного мотива о чудесном исцелении простым средством при бессилии знатоков: *Теперь крушина. Крушину заготавливали мы, у нас была знакомая, у ей признавали рак кишечника. И вот мы, значит, эту крушину заготавливали. Саму ягоду, саму ягоду сушили и запаривали. А коры, значит, мы сдирали весной. И так тоже сушили и запаривали. Но так по скольку запаривали, я не могу сказать. Но... мы... как надо запаривать её. А мы делали так: чайную ложку на стакан воды. Запаривали, она пила и, по крайней мере, от рака не умерла. Она лежала в очень тяжёлом состоянии. В очень... Ну а потом она стала поправляться. Стало лучше ей, стали меньше ей давать, меньше, меньше. А потом, значит, когда поехали в Томск на обследования... «Ничего нет у вас. Чем вы лечились?». Ну, она говорит: «Ну, пила травку, и все дела» (КРУШИНА ЛОМКАЯ (Rhamnus frangula L.).*

Итак, для реконструкции традиционной старожильческой культуры Среднего Приобья можно наметить ряд аспектов. Это и взаимосвязь мира растений с праздниками, с их обрядовой стороной, которая регулировалась пра-

вославием: Это раньше, когда я ещё тоже ходила, так было принято: в субботу перед Троицей, раньше же ни мебели не было... так. Стол только, табуретки, это вот было как украшение, предвидение этого праздника, везде на стенах вот эти берёзки вот вешали, где можно было прилепить. На стол ставили цветы, а на пол бросали свежую травку. Так встречали Троицу (БЕРЁЗА (*Betula* L.); Верб, она таким жёлтым цветёт. И ещё ребяташки её жуют. От её сок сладкий. Поэтому и рвут. И её в церковь ночью на Вербное воскресенье, а потом ставят за икону. А на праздник этой освященной вербой, скотину когда выгоняют, то бьют и приговаривают. Да и людей ею тоже бьют в этот праздник. Это значит здоровья желают (ИВА КОЗЬЯ (*Salix caprea* L.). Словарные материалы позволяют реконструировать функции не только таких широко известных «обрядовых» деревьев, как береза и верба, но и некоторых комнатных растений: А дымка, она как ёлочка, ей раньше покойников обкладывали. Это большой такой цветок. Он растёт в избе. Она очень такая, как бы сказать, ну, листья такие нежные, как дым, тоненькая она такая вся (АСПАРАГУС ПЕРИСТЫЙ (*Asparagus plumosus* Baker.).

Общеизвестно, что в традиционной культуре растительный мир регулировал локальные варианты праздничного и повседневного застолья. Иллюстративные тексты отражают и своеобразный круг растений, которые служили «забавой» для подростков и молодежи: И репу сеяли раньше, а сейчас нет. Мне лет пятнадцать было, пойдёшь прям не стесняешься, намоешь брюкву, вытянешь белу котору. Жёлта была и бела. Грызёшь сидишь на кругу там, сидят молоденьки. А теперь нет, ничё нет. Моды нет этой (БРЮКВА (*Brassica napus rapifera*); Парни, девки приходили нарядными по праздничным дням к вечеру. У чьего-либо дома. С собой приносили жареный горох, семечки, орехи, черемшу (ГОРОХ ПОСЕВНОЙ (*Pisum sativum* L.). Многие дикорастущие виды помогли выжить тыловому Среднему Приобью в военное лихолетье: Это пучка. Это пучка съедобна. В войну это наш хлеб был, наша картошка. Вот этот ствол, он съедобный. И суп варили только на нём. Она безвкусна и заменяла картошку (БОРЩЕВИК РАССЕЧЕННОЛИСТНЫЙ (*Heraclium dissectum* Ledeb.); Ну, крапиву, собственно же, просто едят, суп варим, весной, как начинается крапива, так мы начинаем варить суп. В войну всё ели, и крапивы даже не хватало (КРАПИВА (*Urtica* L.); А мы в войну суп из этой самой жгучки варили. Суп был вода и жгучка, ну, картошечки добавишь немножко. Вот и весь суп (КРАПИВА МАЛАЯ (*Urtica urens* L.); Ну ещё кандык сибирский. Оно цветёт и распускается весной ранней. Цветки на колокольчик похожи, крупные. Мы его ели, когда маленькие были. И в войну его шибко ели. Измельчённые луковицы ели, а потом в муку растирали. В лесу растёт и даже на лугу его можно встретить (КАНДЫК СИБИРСКИЙ (*Erythronium sibiricum* (Fisch. et Mey.) Kryl.).

С растениями связано множество хозяйственных примет: Ну вот раньше берёзовые веточки в ворота втыкали. Ну, это считалось простонародной приметой. Если за три дня берёзка высохнет, значит покос будет хороший, а если нет, значит, плохой. (БЕРЕЗА (*Betula* L.); Калина цветёт, значит, заморозки отступят после её цветения. Мы уже знали, что как калина

отцветёт, то можно высаживать помидоры в грунт. Это моя примета (КАЛИНА ОБЫКНОВЕННАЯ (*Viburnum opulus* L.)).

Мир растений пересекается с народной магией и демонологией: *Девясил это. Когда тучка зайдёт, бабушка говорит: «Внучка, иди девясилку на четыре части разорви, и тучку на четыре части разорвёт». Я запах его не люблю* (ДЕВЯСИЛ ВЫСОКИЙ (*Inula helenium* L.)); *Чертополох. Это такое редкое растение, оно в таком буреломе, глуши, где-то близко возле воды. Колючее, высокое, примерно полтора метра, чашечка такая и цветёт жёлто, а середина беловата. Его срывают и вешают возле зеркала. Там, где маленькие дети, чтобы не боялись. Вот это чертополох и правда сам похож на чёрта. Колючий и редкий-редкий этот цветок* (АЛЬФРЕДИЯ (*Alfredia* Cass.)); *Знаю одну такую, плакун-трава зовут. Её берут на Ивана-Купалу, ночью, надо на болото идти за ейным корнем. Корень этот в красном углу в хате прячут, и тогда дом от всякой нечисти охранишь. У ей листы такие длинные, гладки, а цветки красны-красны. Цветёт в самый раз на Купалу* (ДЕРБЕННИК ИВОЛИСТНЫЙ (*Lythrum salicaria* L.)); *Вербу ломают уже тогда, когда у неё котики есть, и стараются выломать прутик такой, чтобы было побольше котиков, чтобы больше хозяйство разрасталось* (ИВА КОЗЬЯ (*Salix caprea* L.)); *Ковыль – холостяцкая трава, где ковыль, там бобыль, красивый, а дома ставить нельзя, один останешься* (КОВЫЛЬ ПЕРИСТЫЙ (*Stipa pennata* L.S. ampl.)); *Чтобы извести бородавки, варят горох. А в нём кусок сала, при этом читают: «Горох, бородавки, сало, чтоб второму по счёту пропасть. Первый горох, второй горох. Бородавкам третий сало. Аминь». Затем это сало спрячьте в водосточном жёлобе или на худой конец... помогает абсолютно* (ГОРОХ ПОСЕВНОЙ (*Pisum sativum* L.)); *«Ирина, помнишь, у меня вьюн был, аж с серванта спускался. И мне сказали, когда Вася умер, что убрать его, он нехороший» . – «Фу ты, вот глупости какие, ерунду собирают старухи!»* (ДЕВИЧИЙ ВИНОГРАД ГЕНРИ (*Parthenocissus henriana*)).

Иллюстративные тексты словаря отражают также интродукцию растений и их использование в самых разных целях или, напротив, отказ от каких-то культур: *Черноплодка сейчас в каждом доме растёт* (АРОНИЯ ЧЕРНОПЛОДНАЯ (*Aronia melanocarpa* (Michx.) Elliof.)); *Не-тронь-меня, их даже дома садили. Как заденешь, она съёжится, да. А вот сейчас чё-то даже про него никто и не думает, и не сажают его, и домой не берут* (БАЛЬЗАМИН НЕ-ТРОНЬ-МЕНЯ (*Impatiens noli tangere* L.)); *Вот эти-то ягодки и собирают, полезны они. И варенье с их варят, и так едят, и сушат. Она от простуды хорошо помогает. Раньше за ей-то в лес ходили, а сейчас вишь шо придумали: в огородах сажают. Удобно* (ЖИМОЛОСТЬ АЛТАЙСКАЯ (*Lonicera altaica* Pall.)); *Это бузину видели? Не ягода, а такой куст, его стараются посадить в каждом дворе, у дома, чтоб крысы боялись* (БУЗИНА СИБИРСКАЯ (*Sambucus sibirica* Nakai.)); *Коноплё. Не стали сеять, мизенька, его. А сеяли столько много. И лён с его делали. Мочили в речке, мы сами мочили. И масло с его били. Масло очень... Тогда масло-то было... исть охота. А сейчас что попало. Жарили его, ели. Никто не знал, что им колются. Его же все сеяли* (КОНОПЛЯ ПОСЕВНАЯ (*Cannabis sativa* L.)); *Бобы. От все стали как-то*

редко садить. А они таки вкусны, полезны! Они сначала зелёные, а потом уж сии (БОБЫ РУССКИЕ (Faba vulgaris Moench.); А сейчас городские какие-то там лисички [собирают]... Мы их век не видали. Всё чё попало собирают, всё едят. Даже вон в огороде растёт этот... табак белый. Они [городские] их – я даже не знаю, как назвать – берут! Зина их [дождевики] один раз нарвала, нажарила: «Покушай-ка!», а они как кирзова голяшка, кого там исть. В ём там зелёна, как табак, в этом барабанчике, а они их едят. Я жевала-жевала, как кирзова голяшка (ДОЖДЕВИК (Lycoperdon Pers.).

В словаре помещены тексты, реализующие самые разные фольклорные жанры: поговорки (БОЯРЫШНИК КРОВАВО-КРАСНЫЙ), загадки (БЕЛЕНА ЧЕРНАЯ, БЕРЕЗА, ЕЛЬ, КАМЫШ ОЗЕРНЫЙ), легенды (ВАСИЛЬКИ, ВОРОНИЙ ГЛАЗ, ЗВЕРОВОЙ ПРОДЫРЯВЛЕННЫЙ, КИПРЕЙ УЗКОЛИСТЫЙ, КЛЮКВА, КОВЫЛЬ ПЕРИСТЫЙ), поверья (АЛОЭ ДРЕВОВИДНОЕ, ГВОЗДИКА-ТРАВЯНКА), приметы (БЕРЕЗА, ВЕРБА), а также метатексты с рефлексией диалектоносителей над внутренней формой фитонимов (*авдотки, блошник, вахта, девясил, конёвник, княженика, ранник*).

В завершение отметим, что в научный оборот введено много новых текстов среднеобского диалектного архива, этот факт значим сам по себе. Украшением словаря является полная поэзии речь людей, даже не подозревающих, что их рассказы соперничают с лучшими страницами русской литературы: *Верба у речки растёт. Весной веточки её с серенькими заячьими хвостиками дом украшают. В воскресенье перед Пасхой в церковь их носят. Помню, одной весной вода из берегов вышла и затопила вербу по самую макушку. Да так почти каждый раз бывает, а ей хоть бы хны. Растёт себе да растёт. Увидел на вербе пушок, и весна под шесток. А ещё вербу вспоминаю иногда недобрым словом. Отец у нас больно любил её за провинности шлёпать. И хоть бы раз прут переломился. Гнётся, а не ломится (ИВА КОЗЬЯ (Salix caprea L.); Потом, когда начинается сенокос, это уже самая интересная пора для трав. Может быть, приходилось вам вот такое, когда рано утром на заре начинают косить траву, ещё по росе её косят, чтоб литовка легко шла. Вот эти валки... Солнце поднимается, и такое испарение начинается, аромат такой на поле этим сенокосом, ну просто... и воздух такой чистый аж до опьянения. Особенно я любил, когда домой едем, а отец для скотины... начинали заготавливали зелёную травку, везут, и на телеге едем, на траве сидим. До одурения надышимся этим воздухом. До чего же у нас всё-таки разнотравье это ароматное, душистое (БОРЩЕВИК РАССЕЧЕННОЛИСТНЫЙ (Heracleum dissectum Ledeb.); А вы бы, девочки, в сентябре приехали. С мово крыльца, когда смотришь вон туда, так красиво. А всё потому, что там не чистый березняк, а с осинкой. Берёзы жёлтые стоят, а осина красная. Да так красиво, что иной раз засмотришься и забудешь, что пора картоху копать (КАРТОФЕЛЬ (Solanum tuberosum L.); В лесу огоньки такие яркие, а на озере – бабунчики. Это вы их называете белыми лилиями. В молодости я бабке их дарил, а вот теперь розы дарят. Я на покосе осыпал её цветами, а теперь и на покос ездить уже не могу, старость (КУВШИНКА БЕЛАЯ (Nymphaea candida Presl.); Много за речкой,*

где вербные заросли, дальше, к солнышку, выйдешь – вот тебе и боярышник. Он всегда один, без подружки стоит (БОЯРЫШНИК КРОВАВО-КРАСНЫЙ (*Crataegus sanguinea* (ДС) Pall.); Куриная слепота тоже ядовитая травка. Чего-чего, а куриной слепоты у нас много. Хорошо, что близко к дому не растёт, а то детишки букеты бы рвали, а потом животом мучились. Руки-то не вымыли бы и в рот. А она, противная, вся ядом пропитана, и семена у неё как у мака. Они и думают, что их есть можно. Я свои внукам сразу её, проклятую, показала, чтобы не вздумали к ней подходить. Я и загадку им после этого часто загадывала, чтоб не забывали, то есть: «У тропы стоит неряха, на ней липкая рубаха, на плече кувшин узорный до краёв с отравой чёрной». А растёт она на пустырях, среди развалин, на заброшенных полях. Чует, видно, что и люди, и животные её извести вовсе хотят (...) А она вся в липких волосках. А цветы у неё действительно узорные, грязно-жёлтые с тёмно-фиолетовым пятном. Так-то с виду ничего, если не знаешь, какая она коварная. И вроде её, подлую, никуда не применишь, ан нет, говорят, что против кашлю её листья помогают. Но уж лучше кашлять буду, чем сама себя уморю (БЕЛЕНА ЧЕРНАЯ (*Hyoscyamus niger* L.)). Подобные тексты должны стать эмпирической базой для новой диалектологической проблематики, предложенной О.И. Блиновой, – исследования культуры народной речи.

«Словарь фитонимов Среднего Приобья» – замечательный вклад в русскую диалектную лексикографию, и хочется пожелать автору и читателям скорейшего выхода в свет остальных томов.

Литература

1. Попов И.А., Тихонов А.Н. Рец. на: Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995 // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 168–172.

Г.В. Калиткина,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
Томского государственного университета